

*Аухадиева Фания Сабировна,
Булычева Елена Александровна*

Россия, г. Ижевск,

Удмуртский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье рассматривается важная категория в языкознании – категория модальности. Русский лингвист В. В. Виноградов проводил различие между объективной и субъективной модальностью. Объективная модальность – это главное свойство предложения-высказывания. Она передается с помощью глагольных словоформ, содержащих маркеры наклонения. Объективная модальность имеет отношение к двум основным значениям: *Realis* и *Irealis*. Семантический потенциал субъективной модальности демонстрирует огромное многообразие. Одно из значений в рамках субъективной модальности – значение «фиктивного» или «притворного» действия. Существует несколько способов передачи «фиктивного» или «притворного» действия в разноструктурных языках, в таких как немецкий и удмуртский. В обоих языках семантика «фиктивного» или «притворного» действия передается с помощью эквивалента глагола «делать». Кроме того, в удмуртском языке существует сложный суффикс *-мъяськ-*.

Ключевые слова: субъективная модальность, семантика притворного действия, способы выражения субъективной модальности.

Категория модальности вызывала неизменный интерес исследователей, которые рассматривали модальность высказывания как в рамках общего языкознания, так и с точки зрения репрезентации категории модальности в конкретных языках. Несмотря на то, что категория модальности трактуется весьма неоднозначно, в современном языкознании общепринятым является противопоставление объективной и субъективной модальности. Объективная модальность присуща любому высказыванию, можно сказать,

является его неотъемлемой характеристикой, поскольку оценивает высказывание с точки зрения реальности или ирреальности происходящего события, описываемого в предложении-высказывании. Объективная модальность выражается во многих языках с помощью грамматической категории наклонения глагола.

Что касается семантической палитры и способов выражения субъективной модальности, они представлены в языках достаточно широко. Рассмотрению различных аспектов категории модальности посвящены труды В. Г. Адмони, Э. Бенвениста, Х. Бринкманна, В. В. Виноградова, В. В. Поздеева и многих других исследователей [Адмони 1986; Бенвенист 2002; Виноградов 1972; Москальская 2004; Brinkmann 1962; Поздеев 1994]. Можно отметить, что, несмотря на множество исследований, тема эта еще долго будет вызывать интерес, поскольку изучение конкретных языков обогащает исследователей новыми фактами, требующими научного осмысления. Работы, опубликованные в XXI веке, подтверждают это. Следует отметить исследования Э. Винклера, Т. М. Кибардиной, Е. С. Ошановой, освещающие тему модальности и способы ее выражения в удмуртском языке [Кибардина 2012; Ошанова 2017; Winkler 2011].

Новые возможности для осмысления упомянутой категории дает контрастивный подход, позволяющий выявить общие универсальные и специфические черты описываемого явления в разноструктурных языках. В данной статье предпринимается попытка осмысления некоторых аспектов субъективной модальности в немецком и удмуртском языках. Итак, целью данной статьи является рассмотрение особенностей репрезентации субъективной модальности в немецком и удмуртском языках.

Прежде всего, необходим небольшой экскурс в сферу семантики. Субъективная модальность отражает отношение субъекта высказывания к содержанию высказывания, поэтому в отличие от объективной модальности не является чем-то изначально присущим высказыванию. Иными словами, субъективная модальность может быть нейтральной. При этом смысл высказывания соотно-

сится с временной шкалой. Отношение субъекта может иметь оттенок уверенности в истинности высказывания или определенная степень сомнения. В германистике модальность уверенности или сомнения изучена всесторонне, что позволило градуировать значения и способы их выражения, начиная от легкого предположения до большой степени уверенности.

Многие исследователи рассматривают также модальность чужой или косвенной речи. Этот вид субъективной модальности позволяет дифференцировать высказывания субъекта, который выражает свою точку зрения, от интерпретации субъектом точки зрения других людей. Такой вид модальности может также сочетаться с модальным значением сомнения.

С семантической точки зрения субъективная модальность связана с оценочностью. Субъект оценивает происходящее. Эта оценка может быть иррациональной, эмоциональной. Семантика осуждения, одобрения, неприятия и восхищения – эти оттенки не охватывают все богатство семантической палитры, которую можно услышать в процессе коммуникации. В качестве наглядного примера, который представляет большое разнообразие при выражении множества оттенков значений, служит в немецком языке группа модальных глаголов. Например, глагол *wollen* наряду с выражением значения желания совершить какое-либо действие может передавать сложную семантику, связанную с сомнением в совершении субъектом какого-то действия, о котором этот субъект заявляет. Тем самым косвенным образом может быть выражено модальное значение, связанное с осуждением субъекта: *Er will diese Aufgabe schon erledigt haben.* (Он утверждает, что выполнил задание, но говорящий подвергает сомнению это утверждение).

Итак, как было отмечено в самом начале, объективная модальность противопоставлена субъективной. О субъективности в языке писал еще известный французский лингвист Эмиль Бенвенист. Субъективность как свойство субъекта противопоставлять себя другому лицу, к которому он говорит «ты». Иными

словами, субъективность проявляется уже в формировании в языке отношений, выраженных системой личных местоимений и временных форм [Бенвенист 2002: 294–298].

Среди всего многообразия значений в рамках субъективной модальности следует выделить одно, которое представляет для авторов этой статьи наибольший интерес. Речь идет о значении «фиктивности действия» [Поздеев 1994: 11–14] или «притворности, мнимости, видимости действия» [Грамматика современного удмуртского языка 1962: 231]. Коммуникативная ситуация предполагает, что действие субъекта или процесс мыслится так, словно он не соответствует реальной действительности. Здесь можно констатировать такие моменты как оценочность, субъективность, ирреалистичность. Чаще всего субъект целенаправленно или неосознанно ведет себя необычно, изображая некое действие, но не выполняя его. В немецком языке существует тип сложноподчиненного предложения, включающий придаточное предложение сравнения. Это придаточное предложение вводится чаще всего союзами *als* и *als ob*. На синтаксическом уровне весь семантический комплекс передается с помощью сказуемого, которое выражено личной формой глагола в конъюнктиве. Иными словами, кроме союза используются и формы наклонения, например: *Anna tat so, als ob sie ihren Chef nicht gesehen hätte*. Интересно отметить, что в отличие от других типов нереальных придаточных предложений в нереальных предложениях сравнения могут использоваться временные формы конъюнктива первого и второго: *Anna tat so, als ob sie ihren Chef nicht gesehen habe*. В главном предложении обозначен субъект действия, а само действие, а точнее, поведение субъекта, выражено глаголом *tun*.

Однако с помощью придаточного предложения нереального сравнения можно описывать ситуацию, в которой нет активного деятеля. *Es sah so aus, als ob es regnen werde / würde*. Этот пример демонстрирует, что термины «фиктивности действия» или «притворности действия» не вполне применимы к немецкому языку, анализируемые немецкие предложения описывают не только

действия людей, но и процессы, происходящие с неодушевленными предметами, а также явления природы. Основным же способом передачи модального значения на синтаксическом уровне является сложноподчиненное предложение с придаточным сравнения, которое присоединяется к главному с помощью союзов *als* и *als ob*. На морфологическом уровне используются глагольные формы конъюнктива. На лексическом уровне часто используются глаголы *tun*, *aussehen*, *scheinen* и т. п.

В удмуртском языке исследуемая модальная семантика передается различными средствами. Описание этих средств следует начать с морфологического уровня. Речь идет о глагольных формах, содержащих компоненты *-мъяськ-*, *-мтэяськ-*, *-тэмъяськ-* в своём составе, которые представляют собой сочетание отдельных аффиксов: *-м-*, *-я-*, *-ськ-*, *-тэ-*. Формы глаголов с этими суффиксами в изъявительном наклонении описывают субъекта «фиктивного» действия. Субъект делает вид, что он совершает некое действие, но в действительности он этого не делает. Суффиксы, передающие модальное значение притворного действия, присоединяются к основе смыслового глагола. Попытка глубокого системного анализа упомянутых глагольных словоформ предпринималась неоднократно. Значительный вклад в исследование грамматической категории «притворного действия» в удмуртском языке внес исследователь удмуртского языка В. И. Алатырев, написавший статью «Глаголы притворного действия в удмуртском языке» [1959].

Важно отметить, что в современном удмуртском языке задача «притворного действия» с помощью упомянутых суффиксов встречается нередко, например: *Мон гожъямъяськисько*. ‘Я делаю вид, что пишу’. Здесь мы наблюдаем основу глагола *гожъяны* ‘писать’ – *гожъя-*, далее суффикс, выражающий значение «фиктивного» действия, *-мъяськ-*, наконец суффикс-показатель первого лица *-исько*.

Следующий пример относится к третьему лицу единственного числа: – *Жытазе тичи Маши изён азяз кылымтэяське, шу-*

донъёссэ уг бича. ‘Вечером маленькая Маша перед сном притворяется, что не слышит, и игрушки не собирает’. В словоформе *кылымтэяське*, наряду со значением притворности, выражается и отрицание с помощью суффикса *-мтэ-*.

Следует отметить, что категория «притворного действия», судя по названию, прежде всего, имеет отношение к глаголам действия в широком смысле слова, включающим различные семантические группы, например, глаголы восприятия, глаголы, связанные с когнитивными процессами, а также глаголы движения, перемещения субъекта в пространстве, как в следующем примере: *Мон кошкемъяськи, но палэнэтий берен лыктій*. ‘Я сделал вид, что ушел, но с другой стороны снова возвратился’ [Грамматика современного удмуртского языка 1962: 231].

Таким образом, анализируемые суффиксы могут присоединяться к глагольным основам большого числа семантических групп. При этом возникает справедливый вопрос, являются ли анализируемые языковые объекты словоформами одной глагольной лексемы или это разные глаголы. Казалось бы, поскольку речь идет о грамматической категории, которая имеет регулярный характер, едва ли возможно называть упомянутые глагольные словоформы «глаголами притворного действия». Речь идет о словоформах одного глагола.

Однако известно, что анализируемые суффиксы могут присоединяться к прилагательным с суффиксом *-тэм*. Например, глагол *куаратэмъяськыны* ‘притворяется, что стал безголосым’ образовано от прилагательного *куаратэм* ‘безголосый’ [Грамматика современного удмуртского языка 1962: 234]. Здесь речь идет, безусловно, о самостоятельных глаголах притворного действия.

Что касается иных способов выражения «притворного действия», в удмуртском языке, как и в немецком, используется глагол со значением *делать* ‘карыны’ в глагольных словосочетаниях *uzam karini (so tun, als ob man arbeitet)* [Winkler 2011: 124].

Итак, подводя общие итоги, можно заключить, что как в немецком, так и в удмуртском языках для передачи модальности

притворного (фиктивного) действия используется эквивалент глагола *делать* – *тип* и *карыны*. Однако в удмуртском языке существуют специальные суффиксы, которые способны передавать этот вид модальности.

Список использованной литературы и источников

Адмони В. Г. Теоретическая грамматика немецкого языка: Строй современного немецкого языка / В. Г. Адмони. – М.: Просвещение, 1986. – 336 с.

Алатырев В. И. Глаголы притворного действия / В. И. Алатырев // Вопросы удмуртского языкознания / Удм. НИИ ист., экон., языка и лит. Т. 1. – Ижевск, 1959. – С. 79–139.

Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: УРСС, 2002. – 447 с.

Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Труды Ин-та русского языка АН СССР. Т. 2. Изд. АН СССР. – М., Л., 1950. – С. 38–79.

Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. – Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962. – 376 с.

Кибардина Т. М. Средства выражения модальности в удмуртском языке / Т. М. Кибардина. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 196 с.

Москальская О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка / О. И. Москальская. – М.: Академия, 2004. – 352 с.

Ощанова Е. С. Роль модальных частиц в формировании когнитивной базы и коммуникативно-прагматической перспективы высказывания / Е. С. Ощанова. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2017. – 23 с.

Поздеев В. В. Категория фиктивности действия в современном удмуртском языке / В. В. Поздеев // Вестник Удмуртского университета. – 1994. – № 7. – С. 11–15.

Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung / H. Brinkmann. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1962. – 654 с.

Winkler E. Udmurtische Grammatik / E. Winkler. – Göttingen: Wiesbaden Harrassowitz in Kommission, 2011. – 181 с.